

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

ОДИН ЛИШЬ ВЕТЕР
ВОЗВРАЩАЕТСЯ...

* * *

Как прошлое необратимо —
грядущее неотвратимо,
и, словно грозный знак
(как будто он не за горою),
до нас доносится порою
неведомый сквозняк.

В нём привкус крови, запах дыма,
в нём прах очередного Рима,
в нём страх, в нём крах, в нём ад,
в нём, как в пустыне, одиноко
струит на мир звезда Востока
свой жёлтый миллиард.

Там новых варваров паскудство
все принимают за искусство,
урча и гогоча,

КРАСНИКОВ Геннадий Николаевич родился в 1951 году в г. Новотроицке Оренбургской области. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета им. Ломоносова. В течение двадцати лет был редактором альманаха "Поэзия" вместе с Н. Старшиновым. Автор книг стихов: "Птички светофоры", "Пока вы любите...", "Крик", "Не убий!". В последнее время выступает в печати как переводчик, публицист, эссеист. Член Союза писателей России. Живёт в Подмоскowie.

там дух больной изнемогает,
и в катакомбах догорает
последняя свеча...

Ну, что же, будущее, властвуй,
чужое прошлое грабастай,
проклятая орда!..
Тебе ещё твой рок неведом:
подавишься ты русским небом
и сгинешь без следа!..

* * *

В этом доме —
полы деревянные,
дуют в щели ветра окаянные,
на одной половине — больные,
на другой половине — чудные,
пить не пили, а ходим, как пьяные...

Веет в доме тоской лазаретною,
пустотою и пылью газетною,
на одной половине — страданья,
на другой половине — рыдания, —
Боже мой, как всегда — безответные!.

Прохудилась крыша железная,
каплет сверху водичка небесная,
на одной половине — бранятся,
на другой половине — боятся,
вот такое кино интересное!..

Ветер листьями в окна швыряется,
дом скрипит и, как шхуна, качается,
на одной половине — старушки,
на другой — погремушки-игрушки,
каждый в собственный путь отправляется...

В этом доме —
полы деревянные,
дуют в щели ветра окаянные,
на одной половине — больные,
на другой половине — чудные,
пить не пили, а ходим, как пьяные.

* * *

Несладко всё-таки быть старыми,
измучит память мемуарами,
пристанет, — не прогонишь прочь,
“А помнишь, помнишь?” — домогается,
и ты в плену, как полагается,
и слушаешь себя всю ночь.

Все табуретки, подоконники —
заполнят шумные покойники,
приткнуться негде среди них,
смеются, хмурятся, толкаются

и выглядят, как полагается,
они — живее всех живых.

Незванные и долгожданные,
желанные и нежеланные,
как будто бы упав с луны,
повсюду за тобой таскаются,
но в зеркалах, как полагается,
их отраженья не видны...

И всё же запахом повеяло
черёмухи, Урала, клевера,
тоской полынной душных гроз...
Но ничего не повторяется,
один лишь ветер возвращается,
встречай его, как полагается,
с глазами, мокрыми от слёз.

* * *

Не убеждай меня, что прожитые дни —
за тридцать земель, под мёртвою волною, —
они всегда со мной, лишь руку протяни,
они в моей душе, они уйдут со мною.

Ушедшие давно — живые, как в кино,
и в памяти моей их лица не редуют,
так наливай полней печальное вино,
пускай они со мной печаль мою разделят.

Я с ними говорю, качая головой,
взглянуть со стороны — ну, точно: ненормальный!..
Я их благодарю за то, что пьют со мной,
как старые друзья на встрече поминальной.

* * *

Всё тяжелее жить, всё тяжелее плыть
и преодолевать холодных волн стремленье,
но “плыть или не плыть?”, но “быть или не быть” —
не спрашивай себя в печали и сомненье.

Покуда кровь стучит от сердца до виска,
покуда пальцев дрожь веслу передаётся,
ты всё-таки плыви, — пусть чёрная тоска
на дно тебя влечёт, —
плывущий да спасётся!

На углу челноке ты вышел в океан,
и тяжесть всех веков легла тебе на плечи,
но знай, что вдалеке — по водам сквозь туман
уже идёт Господь плывущему навстречу.